

И. С. ЛУКАШ

Иван Лукаш

Снег

«Public Domain»

1939

Лукаш И. С.

Снег / И. С. Лукаш — «Public Domain», 1939

«Часовые гвардейцы заметили в тот вечер, как отворилось огромное окно кремлевской спальни и там показался император. Снег заносил рукава его мундира и белый жилет. Потом окно закрылось с легким звоном, и часовые снова стали ходить взад и вперед. – Вы никогда не думали, Дарю, что этот снег... Что этот московский снег страшнее московского пожара, – тихо сказал император...»

Иван Лукаш

Снег

Обычно Наполеон сидел в креслах под зеленой вазой из сибирской яшмы. Тонко поджатые губы казались серыми на желтоватом и тяжелом лице императора. Слушая концерт, он обычно подпирал щеку маленьким кулаком. Все понимали, что император дремлет или скучает.

Тенор Тарквинио, который отыскался на Маросейке, пел, закатывая глаза, заученно улыбаясь и мигая фальшивыми мокрыми зубами. Музыкант Мартини, тоже московский иностранец, остроносый и в голубом фраке, поштопанном на локтях, испуганно потряхивал рыжеватым хохолком.

Император с раздражением ждал, когда толстяк Тарквинио дотянет свою бесконечную руладу. Он не слушал, что поют и играют, и если бы не женский голос певца, ему был бы приятен весь этот смутный звон и, полузакрывши глаза, он мог бы сидеть весь концерт под зеленой вазой.

Император двигал ногой кресла, вставал. Пальцы Мартини замирали над клавишами, Тарквинио умолкал с глупо открытым ртом.

– Продолжайте, господа, прошу вас, концерт превосходен, – сумрачно говорил император и проходил в спальню.

– Не беспокойтесь, прошу вас, – говорил он по пути генералам и секретарям, приглашая их легким и вместе резким движением руки не подниматься с кресел. Но все уже вставали и кланялись.

Лица у всех были немного напряженными и немного испуганными, как у Мартини: император никогда не был таким тяжелым, таким подавляющим, как в Москве.

В кабинете он снова опускался в кресла, шарил по столу и брал первое, что попадалось под руку.

Так, ему попался устав французской комедии, присланный в Москву из Парижа. Император заметил, что в двух местах у буквы «р» недостает кончика; он прочел слово «лампіоны» и вспомнил Париж.

Он вспомнил: какое-то огромное театральное зало, теплое от многих свечей, полно шумной толпы, и желтые вензеля N на красном бархате лож. Потом он вспомнил почему-то каштаны у решетки, совершенно молодую зелень, бледно освещенную уличным фонарем. Он бросил устав, опер локти о стол и задышал слышно.

Он думал, как он одинок в Кремле.

Звон клавесин или арфы, рулады певца, шум одобрения, голоса – все доносилось в кабинет длительной и приятно-смутной гармонией.

Тогда император ложился на канапе. Покряхтевши, он закидывал ноги военным серым плащом, и ему вскоре становилось тепло и приятно. Лежать было неудобно, но, пригревшись под плащом, он не шевелился.

Он внимательно смотрел в окно. У стекла светился гладкий снег.

Воркование певца и звон клавесин исходят, казалось, тихой гармонией от самого снега, прижатого к стеклу. Этот ранний снег наполнил светлым холодом кремлевский покой, его самого, и не только побелевшая Москва, но, может быть, весь мир замер теперь под снегом и умолк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.